

Профили множественной социальной идентификации и отношения к представителям других наций россиян и болгар: кросс-культурный анализ

К. Носова (Велкова)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1865-928X>, e-mail: kristina.velkova@gmail.com

В статье рассматриваются латентные профили социальной идентификации и отношения к представителям других наций в культурных контекстах России и Болгарии с позиций лично-ориентированного подхода. Методологию исследования составили модифицированные версии шкал социальных идентичностей из опросника MIRIPS и шкалы религиозной идентичности Веркайтена. В онлайн-социально-психологическом опросе приняли участие 234 россиянина (66% женщин, 60% в возрасте 30–49 лет) и 278 болгар (76% женщин, 45% в возрасте 18–29 лет). В результате латентного анализа профилей в России было выявлено четыре профиля (Интернационалисты, Индивидуалисты, Европейцы, Националисты), в то время как в Болгарии выявлено три латентных профиля (Индивидуалисты, Европейцы, Националисты). Несмотря на это, содержание профилей и особенности респондентов, вошедших в профили, оказались схожими. Националисты отличались сильной множественной идентификацией и негативными аттитюдами по отношению к представителям других наций, Индивидуалисты показали слабую множественную идентификацию и негативные аттитюды к представителям других наций, а Европейцы продемонстрировали очень сильную европейскую идентификацию и позитивные аттитюды к представителям других наций. Профиль Интернационалистов, который был обнаружен только среди россиян, характеризовался слабой множественной идентификацией и положительными аттитюдами к представителям других наций. Основной вывод исследования заключается в том, что существуют как межкультурные сходства, так и различия в характеристиках респондентов, вошедших в структуру каждого латентного профиля множественной социальной идентификации и отношения к представителям других наций.

Ключевые слова: множественная идентичность, межгрупповые установки, межгрупповые убеждения, анализ латентных профилей, посткоммунистические страны, Россия, Болгария.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитаты: Носова (Велкова) К. Профили множественной социальной идентификации и отношения к представителям других наций россиян и болгар: кросс-культурный анализ // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 92–106. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170411>

Profiles of Multiple Social Identification and Attitude to Representatives of Other Nations in Russians and Bulgarians: A Cross-Cultural Analysis

K. Nosova (Velkova)

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1865-928X>, e-mail: kristina.velkova@gmail.com

The paper explores latent profiles of social identification and attitudes to representatives of other nations in the cultural contexts of Russia and Bulgaria through the lens of personality-oriented approach. The research methodology included modified versions of social identity scales from the MIRIPS questionnaire

and Verkuyten's scale of religious identity. The online social psychological survey involved 234 Russians (66% females, 60% aged 30–49 years) and 278 Bulgarians (76% females, 45% aged 18–29). As a result, four latent profiles were identified in Russia (Internationalists, Individualists, Europeans, Nationalists) and three – in Bulgaria (Individualists, Europeans, Nationalists). Nevertheless, the content of the profiles as well as the features of the respondents constituting the profiles were similar. Nationalists displayed strong multiple identification and negative attitudes towards representatives of other nations; Individualists expressed weak multiple identification and negative attitudes towards representatives of other nations; Europeans demonstrated very strong European identification and positive attitudes towards representatives of other nations. The Internationalist profile was found only among the Russians and featured weak multiple identification and positive attitudes towards representatives of other nations. The paper concludes that there are both intercultural similarities and differences in the characteristics of the respondents that constitute each latent profile of multiple social identification and attitude to representatives of other nations.

Keywords: multiple identity, intergroup attitudes, intergroup prejudices, latent profile analysis, post-communist countries, Russia, Bulgaria.

Funding. The reported study was conducted within the framework of the HSE University Basic Research Program.

For citation: Nosova (Velkova) K. Profiles of Multiple Social Identification and Attitude to Representatives of Other Nations in Russians and Bulgarians: A Cross-Cultural Analysis. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 97–106. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170411> (In Russ.).

Введение

Социальная идентичность в значительной степени объясняет отношения между различными социальными группами [7; 10]. Принадлежность к социальным группам указывает на межгрупповые различия [7; 10], различия в восприятии [20] и на искажения личностных характеристик [11]. Также показана тенденция воспринимать членов аутгрупп менее благоприятно, чем членов ингрупп [7]. Членство в группе моделирует межгрупповые взаимодействия и аффекты: люди проявляют больше гнева и беспокойства по отношению к аутгруппам [22] и меньше доверяют им [12]. Такого рода дифференциация создает межгрупповые предубеждения, положительное отношение к членам своей группы и отрицательное отношение к «другим», одновременно способствуя сохранению этих предубеждений [10].

Кроме того, вариации в степени социальной идентификации также влияют на межгрупповые предубеждения, и более сильная идентификация с социальной группой приводит к увеличению потребности в позитивной дифференциации ингрупп от аутгрупп [16]. Это означает, что чем сильнее внутригрупповая социальная идентификация индивида, тем больше люди полагаются на свое членство в группе и активнее взаимодействуют с членами ингруппы.

Нужно отметить, что культурный фон играет роль в определении множественных групповых идентичностей. Так, важной особенностью межгрупповой динамики являются процессы множественной идентификации и варьирование категорий в мультикультурных контекстах, в том числе и отношении к представителям аутгрупп [9]. Личностные характеристики людей (такие как ценности, убеждения, нормы) непосредственно связаны с культурой, развиваются в процессе социализации и они, как культурные характеристики (этническая, национальная, религи-

озная принадлежность), передаются через общение в рамках естественных групп [23]. Более того, социальные группы отличаются своим уровнем инклюзивности и расширением охвата групповых категорий, оказывая положительное влияние на межгрупповые отношения [10]. Это означает, что межгрупповая предвзятость уменьшается, когда членов аутгрупп приписывают к более инклюзивным категориям, так как увеличивается персонализация самого взаимодействия.

С учетом существующих данных о связи между социальной идентификацией и межгрупповыми отношениями в настоящем исследовании основное внимание уделяется стратификации посткоммунистических обществ в зависимости от уровней социальной идентификации и отношения к членам других культурных и национальных групп как к членам аутгрупп. Однако на сегодняшний день в рамках посткоммунистических стран не применялся подход лично-ориентированного анализа идентификации и отношения к аутгруппам. В связи с этим исследование направлено на изучение профилей социальной идентификации и отношения к представителям других групп, обусловленных культурной и национальной принадлежностью. Исходя из соображений множественной социальной идентификации, в данной работе исследовались культурно обусловленные социальные идентичности с разной степенью инклюзивности: менее инклюзивные культурно специфические идентичности (национальная, религиозная, региональная) и более инклюзивные идентичности (советская/коммунистическая, европейская). Настоящее исследование проводилось в социокультурных контекстах России и Болгарии, представляющих собой два посткоммунистических общества, которые претерпели значительные культурные, политические и социальные изменения по-

сле распада Советского Союза и Варшавского блока и выбравшие различные траектории национального строительства.

Социокультурный контекст исследования

С одной стороны, у двух посткоммунистических обществ, рассматриваемых в настоящем исследовании (Россия и Болгария), ряд сходств. Хофстед определяет обе культуры высокими уровнями коллективизма, феминности, закрытости, дистанции власти, избегания неопределенности и долгосрочной ориентации [15]. Согласно кросскультурному анализу культурных ценностей, русская и болгарская культуры характеризуются одинаковыми уровнями Гармонии, Принадлежности, Иерархии, Мастерства, Автономии и Равноправия [24]. В качестве ведущих ценностей в российском обществе выступают Безопасность, Традиция, Власть и Достижение [18]; аналогичные уровни приверженности этим ценностям наблюдаются в посткоммунистических обществах, в том числе и в Болгарии [19].

С другой стороны, каждый из этих двух социокультурных контекстов имеет свои особенности. Так, например, российское мультикультурное общество пережило серьезные социальные изменения после распада Советского Союза, в том числе и трансформации социальной идентичности. Инклюзивную советскую идентичность заменили более узкие идентичности, такие как национальная, религиозная, региональная [13]. Однако советская идентичность остается важной частью множественной идентичности россиян [2]. В Болгарии, наоборот, посткоммунистическое болгарское общество отвергло коммунистическую идентичность из-за политического влияния и восприятия репрессивности коммунистического режима, несмотря на то, что идентичность отражала социалистические ценности. Множественная социальная идентичность болгар тоже перетерпела некоторые изменения, но они были направлены в основном на реконструкцию национальной идентичности вне исторических и политических рамок [17], а впоследствии и на дальнейшее расширение и модификацию множественной социальной идентичности в связи с членством страны в Европейском Союзе.

Теоретический подход и гипотезы исследования

Важно учитывать, что индивиды, принадлежащие к одной базовой популяции, могут отражать несколько субпопуляций, характеризующихся различными наборами групповых характеристик [21]. По этой причине в настоящем исследовании использовался анализ латентных профилей (LPA), который нацелен на выявление относительно однородных субпопуляций (профилей) респондентов, представляющих различные конфигурации показателей, как

в качественном, так и в количественном отношении. Характерная особенность этого метода анализа заключается в том, что количество и характер профилей изначально неизвестны и должны быть выведены из данных. Цель построения моделей латентных профилей состоит в том, чтобы найти решение с достаточным количеством профилей и выявить как различные структуры ответов между различными профилями, так и относительно однородные ответы внутри каждого профиля [8].

Учитывая специфику метода анализа латентных профилей, цель исследования и существующие данные относительно связей между социальной идентификацией и отношением к представителям других групп, мы выдвинули следующие гипотезы.

Г1. У респондентов с выраженными культурно-специфическими идентичностями (национальной, религиозной, региональной) будет более негативное отношение к представителям других наций в обеих странах.

Г2. У респондентов со слабовыраженными культурно-специфическими идентичностями (национальной, религиозной, региональной) будет более позитивное отношение к представителям других наций в обеих странах.

Г3. У респондентов с выраженными инклюзивными идентичностями (советской/коммунистической, европейской) будет более позитивное отношение к представителям других наций в обеих странах.

Выборка

Исследование проводилось в форме онлайн-опроса, в котором приняли участие 512 респондентов, в том числе 234 россиянина и 278 болгар. Основные характеристики выборки по странам представлены в табл. 1.

Процедура и инструментарий

Все участники заполнили анкету, размещенную в социальных сетях и на онлайн-платформе anketolog.ru. Анкета включала социально-демографические показатели (пол, возраст, уровень образования, религиозная принадлежность), показатели идентификации и отношения к представителям других наций (Россия / Болгария, Сербия, Украина, Германия, Америка, Китай, Сирия). Инструменты были переведены на русский и болгарский соответственно, с использованием метода прямого и обратного перевода; перевод был выполнен двумя независимыми экспертами. Также до проведения опросов в обеих странах инструментарий был валидизирован.

Для измерения степени социальной идентификации в анкете использовались шкалы из опросника «Взаимные межкультурные отношения в поликультурных обществах» (MIRIPS) (<http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>), переведенные на русский

Социально-демографические характеристики выборок в России и Болгарии

Социально-демографические характеристики		Россия		Болгария	
		п	%	п	%
Пол	Мужчина	80	34,2	68	24,5
	Женщина	154	65,8	210	75,5
Возраст	18–29	66	28,2	124	44,6
	30–49	140	59,8	112	40,3
	50+	28	12	42	15,1
Религия	Православие	133	56,8	201	72,3
	Атеизм	80	34,2	57	20,5
	Другое	21	8	20	7,2
Образование	Основное	2	0,9	0	0
	Среднее общее	20	8,5	47	16,9
	Среднее специальное	32	13,7	28	10,1
	Высшее	158	67,5	189	68
	Ученая степень	22	9,4	14	5

язык и адаптированные для использования в России [4], и модификация шкалы религиозной идентичности Веркайтена [25].

Шкала национальной идентичности состояла из восьми пунктов, например: «Я счастлив быть частью русской культуры» ($\alpha=0,91$ – в России; $\alpha=0,88$ – в Болгарии).

Советская/коммунистическая идентичность представляла собой модификацию шкалы национальной идентификации и также состояла из восьми пунктов, например: «Я горжусь тем, что я советский человек/коммунист» ($\alpha=0,92$ – в России; $\alpha=0,90$ – в Болгарии).

Религиозная идентичность измерялась шестью пунктами, например: «Я сильно отождествляю себя с христианами» ($\alpha=0,98$ – в России; $\alpha=0,97$ – в Болгарии).

Шкалы региональной (например: «Я ощущаю сильное чувство принадлежности к месту, где я родился/ась») и европейской (например: «Я чувствую сильную привязанность к Европе») идентичности представляли собой модификации шкалы религиозной идентичности ($\alpha=0,94$ – в России; $\alpha=0,96$ – в Болгарии; $\alpha=0,94$ – в России; $\alpha=0,94$ – в Болгарии соответственно).

Отношение к представителям других наций измерялось при помощи аффективных оценок и уровня воспринимаемой социальной дистанции.

Для измерения аффективных оценок участники указали, насколько им симпатичны представители предложенных национальных групп по шкале от 1 – «совсем не симпатичны» до 5 – «очень симпатичны». В целях исследования использовалась средняя обобщенная оценка, включающая индивидуальные оценки каждого респондента по отношению ко всем представителям других наций ($\alpha=0,89$ – в России; $\alpha=0,77$ – в Болгарии).

Воспринимаемая социальная дистанция измерялась с помощью шкалы социальной дистанции Богардуса, переведенной на русский язык [6], где участники указали свою готовность принять представителей других стран, рассматривая 7 вариантов

ответа, варьирующихся по степени близости контактов: от «В качестве членов моей семьи» до «Вообще не допускал бы в Россию/Болгарию» ($\alpha=0,93$ – в России; $\alpha=0,89$ – в Болгарии).

Статистическая обработка данных

Полученные данные были проанализированы с использованием описательной статистики, коэффициента надежности-согласованности альфа Кронбаха, корреляционного анализа, многофакторного дисперсного анализа при помощи программного обеспечения SPSS 23. Также был проведен анализ латентных профилей [21] на основе степени социальной идентификации и отношения к представителям других народов, с использованием метода максимального правдоподобия (MLR), доступного в Mplus 7.11. Модели для обеих стран были оценены с использованием 5000 случайных наборов начальных значений с 100 итерациями.

Результаты

Средние значения, стандартные отклонения и корреляции переменных представлены в табл. 2.

Для проверки гипотез исследования были построены четыре модели по данным каждой страны с разным количеством латентных профилей (от двух до пяти). Оптимальная модель латентных профилей для российской выборки показала, что россияне в выборке относятся к четырем профилям. Четырех-профильная латентная модель показала более низкие значения Байесовского информационного критерия с поправкой на размер выборки (SSBIC=4691,55) и значения параметрического теста отношения правдоподобия для k-1 (H0) vs. k классов (BLRT=61,07; $p<0,001$) по сравнению с другими моделями и значимые показатели тестов отношения правдоподобия (VLMR=61,07; $p<0,05$; adj. LMR=59,70; $p<0,05$).

Результаты, приведенные в табл. 3, показывают, что в каждом из профилей имеется достаточное количество случаев в диапазоне от 37 до 73.

Оптимальная модель латентных профилей для болгарской выборки состояла из трех профилей. Трех-профильная латентная модель показала более низкие значения Байесовского информационного критерия с поправкой на размер выборки (SSBIC=5331,28) и значения параметрического теста отношения правдоподобия для $k-1$ (H_0) vs. k классов (BLRT=73,81; $p<0,001$) по сравнению с другими моделями и значимые показатели тестов отношения правдоподобия (VLMR=73,81; $p<0,05$; adj. LMR=72,20; $p<0,05$). Результаты, приведенные в табл. 3, показывают, что в каждом из профилей имеется достаточное количество случаев в диапазоне от 42 до 189.

Апостериорные вероятности (в России [1,00–0,86], в Болгарии [1,00–0,90]) показали, что люди принадлежат к назначенным им профилям и классы в обеих моделях отличаются друг от друга (табл. 4).

Результаты межпрофильного многофакторного дисперсионного анализа указали на то, что в целом существуют значимые различия между профилями по используемым классификационным переменным. Значимые различия наблюдались: в России – по отношению к национальной идентичности ($F(3, 230)=25,48$; $p<0,001$), советской идентичности ($F(3, 230)=26,09$; $p<0,001$), европейской идентичности ($F(3, 230)=4,45$; $p<0,01$), региональной идентичности ($F(3, 230)=173,72$; $p<0,001$), религиозной идентичности ($F(3, 230)=40,72$; $p<0,001$), аффективными оценкам ($F(3, 230)=26,05$; $p<0,001$) и воспринимаемой социальной дистанции ($F(3, 230)=210,38$; $p<0,001$); в Болгарии – по отношению к национальной идентичности ($F(2, 275)=23,94$; $p<0,001$), советской идентичности ($F(2, 275)=2,09$; $p>0,05$), европейской идентичности ($F(2, 275)=11,49$; $p<0,001$), региональной идентичности ($F(2, 275)=212,99$; $p<0,001$), религиозной идентичности ($F(2, 275)=24,69$; $p<0,001$), аффективными оценкам ($F(2, 275)=25,06$; $p<0,001$) и воспринимаемой социальной дистанции ($F(2, 275)=186,58$; $p<0,001$).

В результате проведенного анализа были выделены 4 профиля россиян и 3 профиля болгар (рис. 1 и 2). В России профили имели следующие характеристики.

Профиль 1 ($n=37$) включает респондентов, у которых слабая идентификация со всеми категориями (национальной, советской, европейской, региональной и религиозной), но позитивные аффективные оценки представителей других наций и низкая воспринимаемая дистанция с ними. Этот профиль был назван «Интернационалисты».

Профиль 2 ($n=58$) состоит из респондентов, у которых сильная идентификация с государством, Европой и регионом, средние уровни идентификации с советским прошлым и религией, позитивные аффективные оценки представителей других наций и низкая воспринимаемая дистанция с ними. Они получили название «Европейцы».

Профиль 3 ($n=73$) составили те респонденты, у которых не сильно выражена идентификация со все-

ми групповыми идентичностями, более негативные аффективные оценки представителей других наций и высокая воспринимаемая дистанция с ними. Они были названы «Индивидуалисты».

Профиль 4 ($n=66$) включает тех респондентов, у которых сильная идентификация с государством, советским прошлым, регионом и религией, низкие уровни идентификации с Европой, более негативные аффективные оценки представителей других наций и высокая воспринимаемая дистанция с ними. Они были названы «Националисты».

Три профиля болгар были охарактеризованы следующим образом.

Профиль 1 ($n=47$) составили те респонденты, у которых слабо выражена идентификация со всеми групповыми идентичностями, более негативные аффективные оценки представителей других наций и высокая воспринимаемая дистанция с ними. Как и третий профиль российской выборки, они были названы «Индивидуалисты».

Профиль 2 ($n=189$) включает тех респондентов, у которых сильная идентификация с государством, регионом и религией, средние уровни идентификации с Европой и слабая коммунистическая идентичность. Кроме того, респонденты, вошедшие в этот профиль, показали более негативные аффективные оценки представителей других наций и высокую воспринимаемую дистанцию с ними. Похоже на русских, которые составили Профиль 4, они были названы «Националисты».

Профиль 3 ($n=42$) состоит из респондентов, у которых сильная идентификация с государством, Европой и регионом, религией, низкий уровень коммунистической идентификации, позитивные аффективные оценки представителей других наций и низкая воспринимаемая дистанция с ними. На основе их сходства с россиянами из второго профиля они были названы «Европейцы».

Обсуждение результатов

Данное исследование было направлено на изучение латентных профилей идентификации и отношения к представителям других наций в России и Болгарии с применением личностно-ориентированного подхода. Важно отметить, что полученные результаты соответствуют теории социальной категоризации и сильная групповая (культурно специфическая) идентификация сочеталась с менее позитивным отношением к другим [7; 10]. Кроме того, поскольку категории более высокого уровня более инклюзивны, чем категории более низкого уровня, наблюдались различные аттитюды к представителям других наций в сочетании с принадлежностью к определенной группе [10].

Представленные результаты свидетельствуют о том, что россияне могут быть классифицированы по одному из четырех профилей – Интернационалисты, Европейцы, Индивидуалисты, Националисты, в то время как болгары могут быть классифицированы

Таблица 2

Описательные статистики и корреляции между переменными в России и Болгарии

	Россия										Болгария					
	M	SD	1	2	3	4	5	6	M	SD	1	2	3	4	5	6
	1. Национальная идентичность	3,64	0,88	1						4,24	0,69	1				
2. Советская идентичность	3,16	0,93	0,35***	1					2,03	0,80	-0,20	1				
3. Европейская идентичность	2,71	1,06	-0,4	-0,21**	1				3,39	1,12	0,75	-0,19**	1			
4. Региональная идентичность	3,36	1,04	0,41***	0,39***	0,9	1			3,80	1,18	0,43***	-0,02	0,17**	1		
5. Религиозная идентичность	2,77	1,30	0,50***	0,29***	0,04	0,47***	1		3,31	1,31	0,36***	0,03	0,15*	0,35***	1	
6. Аффективные оценки	3,09	0,94	0,06	-0,15*	0,20**	-0,12	-0,11	1	3,18	0,73	0,01	0,04	0,10	-0,05	-0,09	1
7. Социальная дистанция	3,71	1,67	0,12	0,31***	-0,15*	0,22**	0,24***	-0,53***	4,57	1,35	0,04	0,01	-0,06	0,11	0,11	-0,44***

Примечание: *» – $p < 0,05$; **» – $p < 0,01$; ***» – $p < 0,001$; M – среднее значение, SD – стандартное отклонение.

Таблица 3

Результаты анализа латентных профилей в России и Болгарии: показатели соответствия, тесты отношения правдоподобия и распределение членов в каждом латентном профиле по странам

Профили	Показатели соответствия			Тесты отношения правдоподобия			Распределение членов в профиле					
	AIC	BIC	SSBIC	En	VLMR	Adj, LMR	BLRT	1	2	3	4	5
Россия												
Два	4775,13	4851,15	4781,42	0,75	196,57**	192,16**	196,57***	88	146			
Три	4725,77	4829,42	4734,34	0,80	65,37	63,90	65,37***	72	127	35		
Четыре	4680,69	4811,99	4691,55	0,80	61,07*	59,70*	61,07***	37	58	73	66	
Пять	4653,32	4812,26	4666,46	0,81	43,37	42,40	43,37***	36	36	69	65	28
Болгария												
Два	5375,38	5455,19	5385,43	0,82	151,79*	148,49*	151,79***	51	227			
Три	5317,57	5426,40	5331,28	0,86	73,81*	72,20*	73,81***	47	189	42		
Четыре	5286,02	5423,87	5303,38	0,85	47,55	46,52	47,55***	39	187	14	38	
Пять	5271,07	5437,94	5292,08	0,85	30,95	30,27	30,95***	14	39	11	39	175

Примечание: *» – $p < 0,05$; **» – $p < 0,01$; ***» – $p < 0,001$; AIC – информационный критерий Акайке; BIC – Байесовский информационный критерий; SSBIC – Байесовский информационный критерий; VLMR – тест отношения правдоподобия Вунга–Ло–Менделла–Рубина для классов k-1 (H0) и k; Adj. LMR – скорректированный тест отношения правдоподобия Ло–Менделла–Рубина; BLRT – параметрический тест отношения правдоподобия для классов k-1 (H0) и k.

Таблица 4

Средние апостериорные вероятности, связанные с четырехпрофильной моделью в России и трехпрофильной моделью в Болгарии

Профили	1	2	3	4
Россия				
1	0,94	0,03	0,04	0,00
2	0,02	0,92	0,03	0,03
3	0,01	0,03	0,86	0,10
4	0,00	0,02	0,12	0,87
Болгария				
1	0,91	0,06	0,02	
2	0,03	0,95	0,03	
3	0,01	0,05	0,94	

Латентные профили россиян

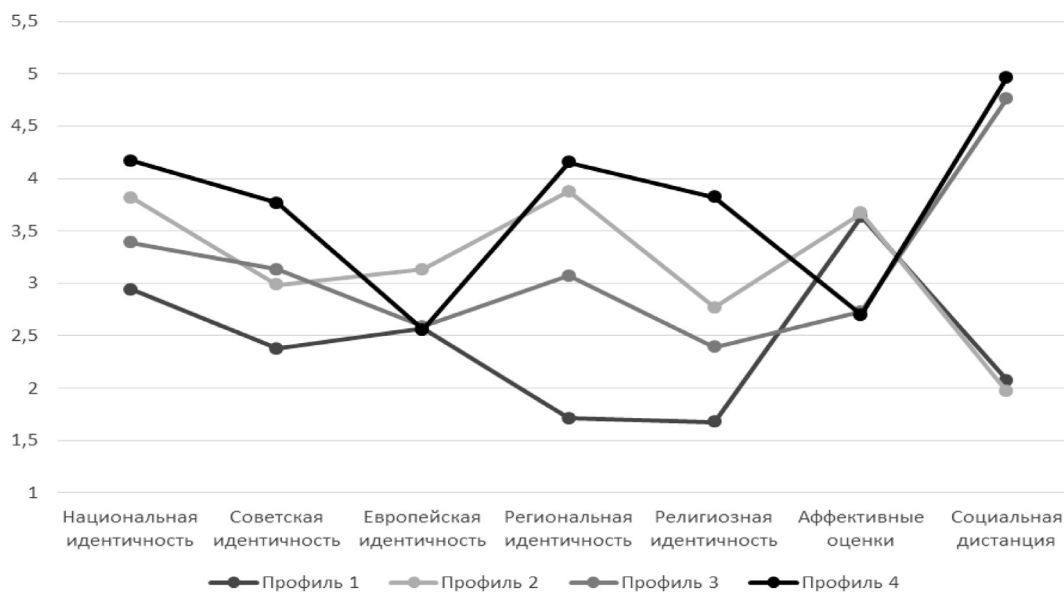

Рис. 1. Профили идентификации и отношения к представителям других наций в России

Латентные профили болгар

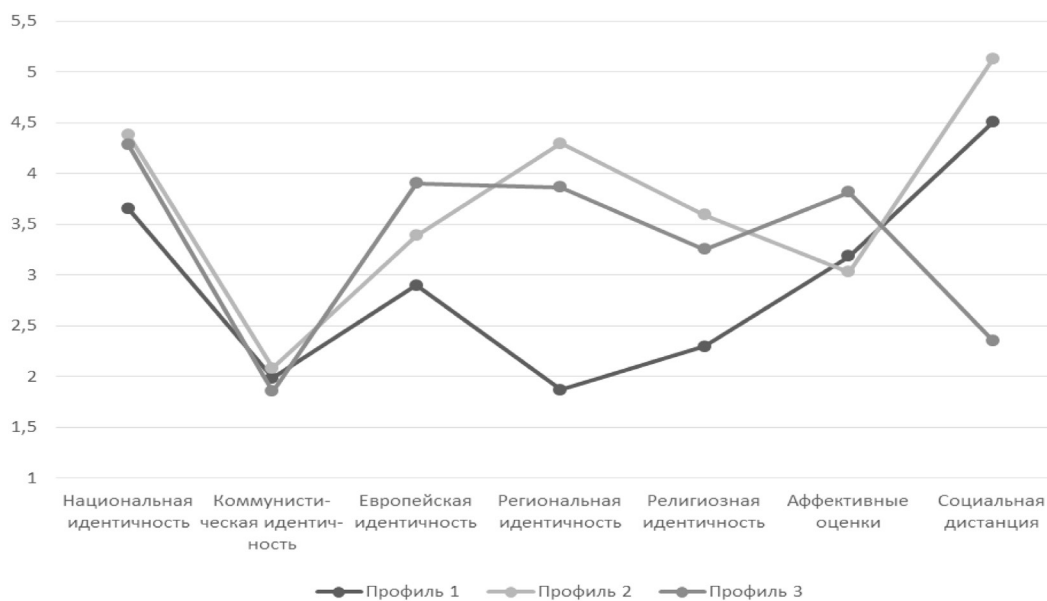

Рис. 2. Профили идентификации и отношения к представителям других наций в Болгарии

по трем профилям — Европейцы, Индивидуалисты, Националисты.

Анализ продемонстрировал, что латентные профили представителей двух стран имеют свои количественные различия; однако с точки зрения качественных характеристик различные аспекты идентификации и межгрупповые отношения имеют некоторые сходные паттерны. В целом, ожидания относительно связи между категориями идентичности с разным уровнем инклюзивности и отношением к аутгруппам подтвердились. Так, профиль Националистов характеризовался высоким уровнем культурно обусловленной множественной идентичности и высокий уровень идентификации с культурно специфическими социальными идентичностями (национальная, региональная, религиозная идентичности) выступил вместе с менее позитивным отношением к внешним группам, подтверждая гипотезу 1. Здесь следует подчеркнуть, что содержание профиля Националистов показало также некоторые межкультурные особенности, связанные со специфической корреляционной структурой множественной идентичности в России и Болгарии.

Важно отметить, что большая часть болгарской выборки попала в профиль Националистов. С одной стороны, такие результаты могут быть связаны с тем, что в болгарском обществе популярна идея национального и территориального единства еще со времен поствоенного развития страны после освобождения от Османского рабства [1]. С другой стороны, в современном болгарском обществе широко распространены «семейный патриотизм», отражающий сильную принадлежность к семье и местным общинам [3], а также наблюдается высокий уровень национальной идентификации в целом [9].

Несмотря на культурное сходство двух стран [15; 19; 24], наблюдались различия в профилях идентификации и отношении к представителям других наций. Профиль Интернационалистов в России был охарактеризован относительно низкой и умеренной идентификацией со всеми категориями и более позитивным отношением к представителям других наций. Спецификация этого профиля частично подтвердила вторую гипотезу, так как такой профиль отсутствовал у болгар. Такие результаты могут быть связаны с эффектом мультикультурализма: полиэтническая среда России способствует расширению российского сознания до принятия людей всех наций [5].

Профиль Европейцев характеризовался относительно высоким и умеренным уровнем культурно обусловленной множественной идентичности, но уровень европейской идентификации был самым высоким по сравнению со всеми остальными профилями в обеих странах. Более того, высокие уровни идентификации с более инклюзивной со-

циальной идентичностью (т. е. европейской идентичностью) сочетались с более позитивным отношением к внешним группам, подтверждая третью гипотезу. Таким образом, результаты соответствуют существующей теории о взаимосвязи инклюзивности социальной идентичности и межгрупповых отношений [10].

Наконец, следует подчеркнуть, что в обеих выборках были обнаружены свидетельства присутствия Индивидуалистов, которые не идентифицируют себя сильно с культурно обусловленной множественной социальной идентичностью и не проявляют позитивное отношение к членам других национальных групп. Несмотря на то, что обе культуры коллективистские, в современном обществе наблюдается тенденция к индивидуализации в связи с процессами глобализации. Кроме того, исследования в периоде посткоммунистического развития России и Болгарии подтвердили приверженность представителей этих стран индивидуалистическим ценностям [14].

Исследование вносит значительный вклад в существующую теорию, поскольку оно предлагает важные идеи об идентификации и межгрупповых отношениях в посткоммунистическом и постсоветском культурных контекстах. Однако следует отметить также наличие нескольких ограничений. В первую очередь, нужно поставить вопрос об объеме выборки и стратегии привлечения респондентов. Поскольку выборка была ограничена по размеру и представляет собой выборку согласных (*convenient sample*), полученные результаты нельзя обобщать. Для обобщения полученных результатов следует провести дальнейшие исследования с привлечением более крупной выборки, так как большие выборки могут выявить больше профилей идентификации и межгрупповых отношений.

Выводы

Данное исследование показало, что анализ латентных профилей может быть применен к процессам социальной идентификации и межгрупповых отношений. Кроме того, полученные профили, отражающие национальную, региональную, религиозную, европейскую и советскую/коммунистическую идентичности и аттитюды по отношению к представителям других наций продемонстрировали значимые различия в распределении переменных. Также результаты указали на то, что исследование закономерности переменных имеет место быть в современной науке, создает новые перспективы в разработке теории и позволяет сделать определенные выводы в сфере идентификации и межгрупповых отношений.

Литература

1. Велев Г. Национализъм [Национализм]. София: Знание, 2005. С. 400.

References

1. Velev G. Natsionalizmut [The Nationalism]. Sofia: Znanie, 2005. 400 p. (In Bul.)

2. Головашина О.В. Образ Советского Союза в социальной памяти современных россиян (на материалах эмпирического исследования) [Электронный ресурс]. 2013, 11(057). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sovetskogo-soyuza-v-sotsialnoy-pamyati> (дата обращения: 15.08.2021).
3. Коцева Т., Димитрова Е. Визии за демографския проблем в България след 1990 г.: Пронатализъм и социална политика. [Образ демографической проблемы в Болгарии после 1990 г.: Пронатализм и социальная политика]. София: Проф. Марин Дринов, 2014. С.175.
4. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России. М.: РУДН, 2009.
5. Литвинцева Г.Ю., Пашедко Ю.М. Русская культура как основа национальной идентичности // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 11(1). С. 31–33. DOI: 10.23670/IRJ.2017.65.018
6. Панина Н.Б. Социологический мониторинг. Украинское общество 1994–2005: год перелома. Киев, 2005.
7. Brewer M.B. Ingroup identification and intergroup conflict: When does ingroup love become outgroup hate? // Rutgers series on self and social identity: Social identity, intergroup conflict, and conflict reduction. Vol. 3 / R.D. Ashmore, L. Jussim, D. Wilder (Eds.). London: Oxford University Press, 2001. P. 17–41.
8. Collins L., Lanza S. Topic Index // In Latent Class and Latent Transition Analysis: With Applications in the Social, Behavioral, and Health Sciences. 2010. DOI:10.1002/9780470567333.indsub
9. Dimitrova R., Chasiotis A., Bender M., van de Vijver F.J. Collective identity and well-being of Bulgarian Roma adolescents and their mothers // J Youth Adolesc. 2014. Vol. 43. № 3. P. 75–86. DOI:10.1007/s10964-013-0043-1
10. Dovidio J.F., Gaertner S.L., Kafati G. Group identity and intergroup relations: The common in-group identity model / S.R. Thye, E.J. Lawler, M.W. Macy, H.A. Walker (Eds.) // Advances in Group Processes. Stamford, CT: JAI, 2000. Vol. 17. P. 1–34. DOI:10.1016/S0882-6145(00)17002-X
11. Fiske S.T., Taylor S.E. Social Cognition: From Brains to Culture (2/e). London: Sage, 2013.
12. Foddy M., Platow M.J., Yamagishi T. Group-Based Trust in Strangers: The Role of Stereotypes and Expectations // Psychological Science. 2009. Vol. 20. № 4. P. 419–422. DOI:10.1111/j.1467-9280.2009.02312.x
13. Galyapina V., Lebedeva N., van de Vijver F.A. A three-generation study of acculturation and identity of the Russian minority in the Republic of North Ossetia–Alania // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. № 49. P. 976–992. DOI:10.1177/0022022118767578
14. Hampden-Turner Ch., Trompenaars F. Building cross-cultural competence: How to create wealth from conflicting values. Chichester: John Wiley and Sons Ltd, 2000. 388p.
15. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival. USA: McGraw-Hill, 2010.
16. Jetten J., Spears R., Postmes T. Intergroup Distinctiveness and Differentiation: A Meta-Analytic Integration // Journal of personality and social psychology. 2004. Vol. 86. P. 862–879. DOI:10.1037/0022-3514.86.6.862
17. Kaneva N., Popescu D. National Identity Lite: Nation Branding in Post-Communist Romania and Bulgaria // International Journal of Cultural Studies. 2011. № 14. P. 191–207. DOI:10.1177/1367877910382181
18. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Basic Values in Russia: Their Dynamics, Ethnocultural Differences, and Relation to
2. Golovashina O.V. Obraz Sovetskogo Soyuz v social'noy pamyati sovremennyh rossiyan (na materialah empiricheskogo issledovaniya) [Electronnyi resurs][Image of the Soviet Union in social memory of Russians (on materials of empirical research)]. *Social'no-ekonomicheskiye yavleniya i process* [Socioeconomic phenomena and processes], 2013. Vol. 11, no. 057. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sovetskogo-soyuza-v-sotsialnoy-pamyati> (Accessed 15.08.2021). (In Russ.)
3. Kotzeva T., Dimitrova E. Vizii za demografskiya problem v Bulgaria sled 1990g.: Pronatalizum i socialna politika. [Vision of the demographic problem in Bulgaria after 1990: Pronatalism and social policy]. Sofia: University Press Prof. Marin Drinov, 2014.175 p. (In Bul.)
4. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviya migrantov i primimaiyushego naseleniya Rossii [Strategies of intercultural interaction of migrants and host society in Russia]. Moscow: RUDN, 2009. (In Russ.)
5. Litvintseva G.O., Pashedko Yu. M. Russkaya kul'tura kak osnova nacional'noy identichnosti [Russian culture as a base for national identity]. *Mezhdunarodniy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International research journal], 2017. Vol. 11, no. 1, pp. 31–33. DOI:10.23670/IRJ.2017.65.018 (In Russ.)
6. Panina N.B. Sociologicheskii monitoring. Ukrainское obschestvo 1994–2005: god pereloma [Sociological monitoring. Ukrainian society between 1994 and 2005: the year of breakdown]. Kiev, 2005. (In Russ.)
7. Brewer M.B. Ingroup identification and intergroup conflict: When does ingroup love become outgroup hate? In Ashmore R.D. (eds.), *Rutgers series on self and social identity: Social identity, intergroup conflict, and conflict reduction*, 2001. Vol. 3, pp. 17–41.
8. Collins L., Lanza S. Topic Index. *Latent Class and Latent Transition Analysis: With Applications in the Social, Behavioral, and Health Sciences*, 2010. DOI:10.1002/9780470567333.indsub
9. Dimitrova R., Chasiotis A., Bender M., van de Vijver F.J. Collective identity and well-being of Bulgarian Roma adolescents and their mothers. *J Youth Adolesc.*, 2014. Vol. 43, no. 3, pp. 375–86. DOI:10.1007/s10964-013-0043-1
10. Dovidio J.F., Gaertner S.L., Kafati G. Group identity and intergroup relations: The common in-group identity model. In Thye S.R. (eds.), *Advances in Group Processes*, 2000. Vol. 17, pp. 1–34. DOI:10.1016/S0882-6145(00)17002-X
11. Fiske S.T., Taylor S.E. *Social Cognition: From Brains to Culture (2/e)*. London: Sage, 2013.
12. Foddy M., Platow M. J., Yamagishi T. Group-Based Trust in Strangers: The Role of Stereotypes and Expectations. *Psychological Science*, 2009. Vol. 20, no. 4, pp. 419–422. DOI:10.1111/j.1467-9280.2009.02312.x
13. Galyapina V., Lebedeva N., van de Vijver F. A three-generation study of acculturation and identity of the Russian minority in the Republic of North Ossetia–Alania. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2018, no. 49, pp. 976–992. DOI:10.1177/0022022118767578
14. Hampden-Turner Ch., Trompenaars F. Building cross-cultural competence: How to create wealth from conflicting values. Chichester: John Wiley and Sons Ltd. 2000. 388 p.
15. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and organizations: Software of the mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival*. USA: McGraw-Hill, 2010.
16. Jetten J., Spears R., Postmes T. Intergroup Distinctiveness and Differentiation: A Meta-Analytic Integration. *Journal of personality and social psychology*, 2004. Vol. 86, pp. 862–79. DOI:10.1037/0022-3514.86.6.862

Economic Attitudes // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2018. Vol. 11. № 3. P. 36–52.

19. Magun V., Rudnev M. Basic human values of Russians: both different from and similar to other Europeans // *Sociology. SOC. Высшая школа экономики*. 2013. № WP BRP 23SOC2013.

20. Molenberghs P. The Neuroscience of In-group Bias // *Neuroscience and biobehavioral reviews*. 2013. Vol. 37. DOI:10.1016/j.neubiorev.2013.06.002

21. Muthén B.O. Beyond SEM: General latent variable modeling // *Behaviormetrika*. 2002. Vol. 29. № 1. P. 81–117. DOI:10.2333/bhmk.29.81

22. Plant E.A., Butz D.A., Tartakovsky M. Interethnic interactions: Expectancies, emotions, and behavioral intentions // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2008. Vol. 11. № 4. P. 555–574. DOI:10.1177/1368430208095827

23. Rouchy J.C. Cultural Identity and Groups of Belonging // *Group*. 2002. Vol. 26. № 3. P. 205–217.

24. Schwartz S.H. The 7 Schwartz cultural value orientation scores for 80 countries [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/304715744_The_7_Schwartz_cultural_value_orientation_scores_for_80_countries, 2008 (дата обращения: 15.08.2021).

25. Verkuyten M. Religious group identification and inter-religious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2007. Vol. 10. № 3. P. 341–357. DOI:10.1177/1368430207078695

17. Kaneva N., Popescu D. National Identity Lite: Nation Branding in Post-Communist Romania and Bulgaria. *International Journal of Cultural Studies*, 2011, no. 14, pp. 191–207. DOI:10.1177/1367877910382181

18. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Basic Values in Russia: Their Dynamics, Ethnocultural Differences, and Relation to Economic Attitudes. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2018. Vol. 11, no. 3, pp. 36–52.

19. Magun V., Rudnev M. Basic human values of Russians: both different from and similar to other Europeans. *Sociology. SOC. Higher School of Economics*, 2013, no. WP BRP 23SOC2013

20. Molenberghs P. The Neuroscience of In-group Bias. *Neuroscience and biobehavioral reviews*, 2013. Vol. 37. DOI:10.1016/j.neubiorev.2013.06.002

21. Muthén B. O. Beyond SEM: General latent variable modeling. *Behaviormetrika*, 2002. Vol. 29, no. 1, pp. 81–117. DOI:10.2333/bhmk.29.81

22. Plant E.A., Butz D.A., Tartakovsky M. Interethnic interactions: Expectancies, emotions, and behavioral intentions. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2008. Vol. 11, no. 4, pp. 555–574. DOI:10.1177/1368430208095827

23. Rouchy J.C. Cultural Identity and Groups of Belonging. *Group*, 2002. Vol. 26, no. 3, pp. 205–217.

24. Schwartz S.H. The 7 Schwartz cultural value orientation scores for 80 countries [Электронный ресурс], 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/304715744_The_7_Schwartz_cultural_value_orientation_scores_for_80_countries. (Accessed 15.08.2021)

25. Verkuyten M. Religious group identification and inter-religious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2007. Vol. 10, no. 3, pp. 341–357. DOI:10.1177/1368430207078695

Информация об авторах

Носова (Велкова) Кристина, аспирант, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1865-928X>, e-mail: krisstina.velkova@gmail.com

Information about the authors

Nosova (Velkova) Kristina, PhD Student, Research Intern, Centre for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1865-928X>, e-mail: krisstina.velkova@gmail.com

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021